

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ И СОБЫТИЯ. 200-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА МЕЙЕРА LIBER AMICORUM

И. А. Михайлова*

НАЧАЛО И КОНЕЦ ФИЗИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ТРУДАХ Д. И. МЕЙЕРА

Аннотация. Статья посвящена 200-летию юбилею со дня рождения Д. И. Мейера, являющегося основоположником отечественной науки цивилистики и автором первого учебника. В статье рассматриваются особенности личности и жизненного пути Д. И. Мейера, в частности его увлеченность римским частным правом, которая нашла свое отражение в его научной и преподавательской деятельности; показывается, что именно он выполнил историческую миссию по «переносу» в нарождающуюся отечественную цивилистику положений, разработанных римскими юристами; характеризуются методические приемы, использованные Д. И. Мейером в преподавательской практике; анализируются теоретические положения, относящиеся к определению момента возникновения гражданской правоспособности физических лиц, в связи с чем отвергается целесообразность связывать такой момент с моментом зачатия; рассматриваются особенности правового статуса новорожденных в зависимости от степени их жизнеспособности и вопросы, связанные с обеспечением права на жизнь недоношенных детей в современных условиях, а также уровень их выживания в различных государствах; характеризуются проблемы, возникающие в случае одновременной смерти двух или более лиц, юридически связанных между собой, и подходы к их разрешению; анализируются взгляды Д. И. Мейера на так называемую гражданскую (политическую) смерть; прослеживается отражение выводов и предложений Д. И. Мейера в нормах действующего законодательства Российской Федерации, в том числе относительно регистрации рождения ребенка и его смерти на первой неделе жизни, а также предполагаемых новелл наследственного права.

Ключевые слова: гражданское право, римское право, научная деятельность, методические приемы, гражданская правоспособность, рождение человека, смерть человека, гражданская (политическая) смерть, одновременная смерть нескольких лиц, жизнеспособность новорожденного, недоношенные дети.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.009-016

В 2019 г. исполняется 200 лет со дня рождения основателя отечественного гражданского права Д. И. Мейера, что обуславливает потребность в новом обращении к его бесценному вкладу в российскую цивилистику.

Понять и осознать масштаб его юридической озаренности, близкой к гениальности, всепоглощающей любви к избранному делу и исключительной трудоспособности можно сквозь многогранную призму, включающую в себя

© Михайлова И. А., 2019

* Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности

irina_mikhaylova@list.ru

117279, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а

отзывы современников, глубину и всесторонность разработанного им учения, значение его трудов для становления, развития и совершенствования всех разделов российского гражданского права, и каждый из названных аспектов такой исторической оценки поистине не имеет равных.

Главный труд его короткой жизни — «Русское гражданское право», по праву называемый шедевром юридической литературы середины XIX в., имеющий абсолютно уникальную историю создания, стал своеобразной путеводной звездой для многих поколений российских цивилистов дореволюционного, советского и постсоветского периодов, определив парадигму развития и совершенствования отечественной науки гражданского права на десятилетия, вернее — на столетия вперед. Как справедливо отмечается в литературе, «гражданское право, вышедшее из рук такого мастера, является прочным, стройным, изящным зданием, в котором отдельные части находятся в тесной связи, в сложных сочетаниях и в полной гармонии; вынуть хотя бы один кирпич из этого здания, и тем более заменить его другим — дело до чрезвычайности трудное»¹.

Восхищения заслуживает и личность великого ученого. По отзывам современников, основной чертой его характера была строгость к самому себе и к своим творениям. Не щадя сил и времени на разработку «Курса гражданского права», он все-таки оставался не вполне им доволен: «Наш курс будет лишь стремлением к идеалу науки, но заранее скажем, что он далеко не достигнет своей цели»². И эта скромность профессора, обладавшего энциклопедическими познаниями и редкой одаренностью, выглядит особенно поразительной по сравнению с искренней убежденностью в высокой значимости своих трудов многих (особенно молодых) представителей современной науки.

Российская цивилистика обязана Д. И. Мейеру не только бесценным теоретическим вкладом, ставшим основанием ее становления и последующего развития, но и методологическим приемом, впервые в нашей стране при-

менным именно им: практические занятия со студентами, ставшие неотъемлемой частью современного вузовского образовательного процесса, Д. И. Мейер проводил по плану, разработанному в его сочинении «О значении судебной практики»; на этих занятиях студенты «упражнялись в письменном и словесном разрешении юридических случаев» и в совершении действий, относящихся к судопроизводству³.

Кроме того, именно Д. И. Мейер ввел в процесс юридического образования так называемые «юридические клиники». Первая в отечественной цивилистике юридическая клиника была устроена Д. И. Мейером в стенах Казанского университета с целью оказания юридической помощи в виде консультаций по гражданским делам всем частным лицам, обратившимся за помощью. Эти консультации предоставлялись в присутствии студентов, причем Д. И. Мейер подробно разъяснял им особенности разрешения всех рассмотренных казусов⁴.

В этой деятельности Д. И. Мейера, как в капле воды, отражается великая римская юриспруденция, явственно прослеживаются традиции обучения римскому праву первых его представителей, которые также добивались понимания и усвоения студентами правил, конструкций и дефиниций путем наглядного разрешения разнообразных юридических казусов. В этой связи следует напомнить имя первого знатока римского права, дававшего консультации всем обращавшимся к нему лицам в присутствии слушателей (учеников), т.е. первого преподавателя гражданского права — Тиберия Корункария, заложившего основы юридического образования еще в III в. до н.э.

Таковую же роль — роль первооткрывателя нарождающейся русской цивилистики сыграл в отечественном образовательном процессе Д. И. Мейер, поэтому к нему в той же мере, как и к его великим предшественникам, относится известное изречение знаменитого Ульпиана: «Знание права (*sapientia civilis*) есть дело святейшее (*sanctissima*), достойное наивысшего уважения, которое деньгами ни оценить, ни

¹ Гольмстен А. Предисловие к шестому изданию // Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. / по исправленному и дополненному восьмому изданию. 1902. Изд. 3-е, испр. М. : Статут, 2003. С. 14—15.

² Мейер Д. И. Русское гражданское право. Изд. 5-е. С. 15.

³ См.: Пекарский П. Студенческие воспоминания о Д. И. Мейере // Мейер Д. И. Русское гражданское право. С. 25.

⁴ См.: Пекарский П. Указ. соч.

обесценить нельзя»⁵, а его самого можно называть так же, как император Александр Север называл одного из величайших римских юристов, своего близкого друга Эмилия Папиниана — «блистательнейший» (*Splendissimus*)⁶.

Имя Д. И. Мейера неразрывно связано и с окутаным ореолом именем другого великого римского юриста — Гая, деятельность которого приходится на II в. н. э. Гай считается основоположником юридической литературы, но главным его творением стал первый в мировой юриспруденции учебник римского права — *Институции*⁷, по которому правовые знания постигали бесчисленные поколения античных и средневековых студентов и который и сейчас вызывает глубокий интерес у всех, имеющих отношение к юриспруденции. В отечественной юриспруденции первенство опять принадлежит Д. И. Мейеру, поскольку его «Курс гражданского права» стал первым учебником российской цивилистики, которой до него в России практически не существовало.

Такую преемственность нельзя считать случайной, так как, по свидетельству современников, рано проявившееся влечение Д. И. Мейера к гражданскому праву имело своей основой увлеченность именно римским частным правом: в Берлинском университете, где Д. И. Мейер проходил обучение, он преимущественно занимался римским частным правом, слушая по 30 лекций в неделю по этому предмету, причем все лекции великого романиста Г. Ф. Пухты, автора непревзойденного «Курса римского гражданского права», он тщательно записывал и бережно хранил⁸.

В этом маленьком фрагменте жизни великого ученого поражает масштаб изучения римской юриспруденции: названное в источнике число — 30 лекций в неделю — позволяет предположить, что прослушанный и навсегда запечатленный в его памяти курс римского частного права включал в себя порядка 300 лекций, прочитанных на латыни или на немецком языке, который будущий основоположник русского

гражданского права знал настолько блестяще, что смог понять, изучить, переработать, воспроизвести и многократно расширить полученные им знания, перенеся римско-правовые дефиниции и конструкции на российскую юридическую почву, которая к тому времени (середина XIX в.) была скудной и необработанной.

Именно Д. И. Мейер сумел с блеском выполнить возложенную на него историческую миссию по «переносу» в нарождающуюся отечественную цивилистику, или, как принято в настоящее время говорить, «творческому заимствованию» положений, разработанных римскими гениями, творившими почти два тысячелетия назад, сохранив и приумножив наиболее значимые их достижения.

Другим фактором, вызывающим неподдельное восхищение в трудах Д. И. Мейера, является непревзойденная выразительность его юридической речи, которую, пожалуй, он также унаследовал у римских юристов, славившихся своими максимами, ставшими неотъемлемой и, пожалуй, наиболее яркой частью мировой юриспруденции. Весьма отчетливо эти черты проявились и во всех положениях о правосубъектности физических лиц, в том числе в замечательном разделе, названном автором «Условия физической личности: ее начало и конец», который отличает всеобъемлющий гуманизм по отношению к каждому человеку, «даже лишённому всех прав состояния».

В одном только первом абзаце названного раздела «Русского гражданского права», написанного почти 170 лет назад, в сжатой и выразительной форме сформулированы положения, сохранившие свою актуальность и в настоящее время, когда появились новые медицинские технологии, беспрецедентно расширившие репродуктивные возможности человечества, обогатившие юриспруденцию научными представлениями о пренатальной стадии развития человеческого эмбриона, которые активно обсуждаются современными авторами⁹.

⁵ См.: Д. 1.1.1 // *Дигесты Юстиниана* / пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2002 (далее — *Дигесты Юстиниана*). Т. 1. С. 82.

⁶ См.: *Темнов Е. И.* Звучащая юриспруденция // *Латинские юридические изречения* / сост. Е. И. Темнов. М.: Юристъ, 1966. Предисловие. С. 48.

⁷ См.: *Институции Гая* // *Памятники римского права: Законы XII Таблиц. Институции Гая, Дигесты Юстиниана*. М.: Зерцало, 1997. С. 15—152.

⁸ *Гольмстен А.* Дмитрий Иванович Мейер, его жизнь и деятельность // *Мейер Д. И. Русское гражданское право*. С. 16.

⁹ См., например: *Михайлова И. А.* Право на жизнь // *Цивилист*. 2007. № 2; *Понкин И. В., Понкина А. А.* Достоинство и права ребенка на пренатальной стадии развития: конституционно-правовой, медико-

Однако юридическая сущность появления на свет нового человека как субъекта гражданских правоотношений была предельно точно выражена именно Д. И. Мейером: «В юридическом отношении в высшей степени важно считать началом физической личности момент рождения младенца или относить ее начало к моменту зачатия... Актом рождения человек вступает в общество людей; этот акт и должно признавать началом правоспособности, тем более что момент зачатия неизвестен. Однако младенец должен родиться живым, чтобы сделаться субъектом права — права числятся только за живыми существами»¹⁰.

Приведенное положение носит характер аксиоматического, но время от времени вновь актуализируется дискуссия о возможности признания возникновения правоспособности с момента зачатия, а не с момента рождения. Так, несколько лет назад ряд депутатов Государственной Думы разрабатывали законопроект, предусматривающий внесение в ГК РФ соответствующего положения, в обоснование которого приводился ряд доводов, в первую очередь — «о фактическом, хотя и частичном признании правоспособности зачатых, но не рожденных лиц в действующем законодательстве путем признания за ними права на жизнь и права на наследство»¹¹.

Принятие предложения разработчиков законопроекта, утверждавших, что момент зачатия следует отнести к актам гражданского состояния («момент возникновения правоспособности, безусловно, придется регистрировать»), и внесение соответствующих дополнений в ст. 47 ГК РФ привело бы к тому, что некоторых российских граждан стали бы регистрировать в качестве правоспособных субъектов на разных этапах их нахождения на пренатальной стадии развития, а других — только после появления на свет. Такое решение неизбежно породило бы множество теоретических и практиче-

ских проблем, на что справедливо указывалось в цивилистической литературе¹².

Еще один момент, характеризующий возникновение гражданской правоспособности, связывается с жизнеспособностью новорожденного — «живучестью», как ее именовал Д. И. Мейер, задававший риторический вопрос: «Разве взрослый человек, дни и часы которого сочтены, перестает быть субъектом права? Для самого новорожденного, не способного к жизни, конечно, все равно, признают или не признают его правоспособным, но даже минутная жизнь младенца как субъекта права может иметь влияние на права других лиц, поэтому вопрос о его живучести получает практический интерес»¹³.

Приведенное положение приобретает особое значение в настоящее время, когда обычной практикой становится выживание детей с тяжелыми патологиями, а также недоношенных детей с критической массой тела, ранее практически не имевших шансов на благополучное развитие. Например, в США ежегодно рождается около полумиллиона недоношенных детей, и для обеспечения их выживания ежегодно в данную отрасль медицины вкладывается порядка 26 млрд долл., что существенно повысило шансы таких детей на полноценную жизнь. Так, в конце 1980-х гг. дети, рожденные до 26-й недели, имели только 50 % шансов на выживание, а в настоящее время — 90 %.

Приведенным данным соответствуют и современные показатели выживаемости недоношенных детей в западных странах, где дети, рожденные на 26-й неделе, выживают в 80 % случаев, а на 27-й неделе — в 90 % случаев. Еще выше соответствующие показатели в Великобритании, где цифры выживаемости недоношенных детей выглядят следующим образом: рожденных на 23-й неделе — 26 %, на 24-й неделе — 47 %, на 25-й неделе — 67 %, на 26-й неделе — 82 % и на 27-й неделе — 91 %¹⁴.

правовой и биоэтический анализ / Институт государственно-конфессиональных отношений и права. М. : Буки Веди, 2017.

¹⁰ Мейер Д. И. Указ. соч. С. 100.

¹¹ См.: Предложение о внесении поправок в ГК РФ в части, касающейся возникновения и прекращения правоспособности физических лиц: интервью с депутатом Государственной Думы, заместителем председателя Комитета по общественным объединениям и религиозным организациям А. В. Чуевым // Нотариус. 2004. № 2. С. 45—48.

¹² См., например : Михайлова И. А. Возникновение и прекращение правоспособности физических лиц: новые аспекты // Российский судья. 2004. № 10.

¹³ См.: Мейер Д. И. Указ. соч. С. 101.

¹⁴ См.: Слуцкий Л. И. Недоношенные: жить или не жить // URL: http://world.lib.ru/s/sluckij_l_i/nedonoshennye.shtml.

В Российской Федерации в последние годы предпринимаются различные меры, направленные на существенное повышение выживаемости недоношенных детей, но в любом случае действует норма, закрепленная в Федеральном законе «Об актах гражданского состояния»¹⁵, в соответствии с которой в случае, если ребенок умер на первой неделе жизни, производится государственная регистрация двух юридических фактов: его рождения и его смерти, что полностью соответствует ранее приведенным словам Д. И. Мейера о том, что в течение своей ничтожно короткой («минутной», а в соответствии с действующим законодательством — недельной) жизни новорожденный признается субъектом права, что имеет весьма важное значение как для родителей, так и для потенциальных наследников умершего ребенка.

Весьма показательно в данном плане пояснение рассматриваемой нормы Л. М. Пчелинцевой, потому что в нем отчетливо прослеживается преемственность гуманистических взглядов великого цивилиста: «Если смерть ребенка наступила вскоре после его рождения (даже если он прожил *всего несколько минут*), органом загса составляются две записи: о рождении и о смерти, выданных медицинской организацией или частнопрактикующим врачом»¹⁶.

Такая регистрация производится на основании документов установленной формы о рождении и о перинатальной смерти, выданных медицинской организацией или индивидуальным предпринимателем, осуществляющим медицинскую деятельность (п. 2 ст. 20 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в ред. Федерального закона от 25.11.2013 № 317-ФЗ).

Но всему, что имеет начало, рано или поздно приходит конец. Именно так определял смерть великий ученый: «Как рождение открывает правоспособность физического лица, так смерть ее разрушает... однако, встречаются случаи, когда кажется, что юридическая личность переживает физическое существование человека». Так, в частности, происходит, когда переход имущества умершего к его наследни-

кам по закону или завещанию свершается спустя продолжительное время после его смерти, что и породило конструкцию так называемого лежачего наследства (*hereditas jacens*) в римском частном праве и во многих последовавших ему правовых системах, относительно которой Д. И. Мейер решительно утверждал: «Что касается нашего права, то мы не находим в нем повода продолжить юридическую личность человека за пределы его земной жизни»¹⁷.

Пристальное внимание Д. И. Мейер уделял и вопросам, возникающим в связи с одновременной смертью двух и более лиц, «состоящих между собой в определенной юридической связи, т.е. когда смерть одного из них порождает юридические последствия для другого», которые в римском праве именовались коммориентами (*commorientes*). И в данном случае великий ученый проявляет чрезвычайную скрупулезность в оценке рассматриваемой коллизии: «Но нередки случаи, когда невозможно дознаться, кто прежде, кто после умер, между тем как *одна минута* (курсив мой. — И. М.) переживания одного лица другим может совершенно изменить порядок наследования»¹⁸.

В качестве обстоятельств, в которых наиболее часто встречается одновременная смерть двух или более лиц, связанных супружескими или родственными узами, Д. И. Мейер называет сражения и кораблекрушения, но в настоящее время абсолютное «лидерство» среди факторов, влекущих такую одновременную смерть, принадлежит авто- и авиакатастрофам, в которых нередко погибают целые семьи.

Рассматривая фикции, использовавшиеся в отношении коммориентов римскими юристами (считалось, например, что в случае одновременной смерти отца и несовершеннолетнего сына первым умер сын, а в случае, если он был совершеннолетним, напротив, действовала презумпция, в соответствии с которой смерть отца наступила раньше смерти взрослого сына), Д. И. Мейер утверждал, что такие презумпции «можно принять за руководство там, где нет других, более достоверных указаний. Но наше законодательство не делает никаких предположений насчет порядка совместной смерти

¹⁵ Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (в ред. от 27.12.2018 № 528-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Пчелинцева Л. М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. С. 221.

¹⁷ Мейер Д. И. Указ. соч. С. 101.

¹⁸ Мейер Д. И. Указ. соч.

родственников, поэтому при невозможности дознаться последовательности их смерти только и остается принять ее одновременность на том основании, что она причинена общим несчастием»¹⁹.

Приведенное положение было положено в основу легального определения момента смерти двух или более лиц, юридически связанных между собой, в п. 2 ст. 1115 ГК РФ²⁰: «Граждане, умершие в один и тот же день, считаются в целях наследственного правопреемства умершими одновременно и не наследуют друг после друга, если момент смерти каждого из таких граждан установить невозможно. При этом к наследованию призываются наследники каждого из них» (в ред. Федерального закона от 30.03.2016 № 79-ФЗ).

С сугубо гуманистических позиций Д. И. Мейер рассматривал и так называемую *гражданскую* или *политическую* смерть лица, которая на предыдущих этапах развития юриспруденции («при большей суровости нравов») уподоблялась смерти физической. В истории были периоды, когда прекращение гражданского существования лица представляло собой самостоятельное наказание, так что политическая смерть заключалась уже не в совершении акта, подобного смертной казни, а именно в разрушении всех прав гражданина.

Рассматривая подобные обстоятельства, Д. И. Мейер решительно отвергал уподобление гражданской смерти смерти физической, называя субъективные права, по-прежнему принадлежавшие лицам, даже лишенным всех прав состояния (поселенцы в Сибири могут приобретать имущество и передавать его своим наследникам, являясь собственниками своих вещей; жена и дети могут последовать за ссыльным, и лишенный всех прав по-прежнему признается мужем и отцом, а его личность охраняется от насилия), заключая этот перечень следующим утверждением: «В наше время нет возможности не признавать за человеком хотя какого-либо права, когда он живет в государстве»²¹.

200-летний юбилей со дня рождения основоположника российской науки гражданского

права исторически совпал с непростым периодом ее развития и совершенствования. Сложное и чрезвычайно продуктивное десятилетие, на протяжении которого осуществлялось масштабное и всестороннее совершенствование ГК РФ, ознаменовалось беспрецедентной модернизацией практически всех его разделов. Процесс реформирования гражданского права еще не завершен, и на очереди принятие новых норм, содержащихся, например, в проекте федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²².

К числу наиболее значимых новелл, предусматриваемых названным законопроектом, относится новая договорная конструкция, закрепленная в ст. 1140.1 «Наследственный договор», в соответствии с которой «наследодатель вправе заключить с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию (ст. 1116), договор, условия которого определяют порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к указанным или третьим лицам (наследственный договор)» (п. 1).

Новизна рассматриваемой новеллы является бесспорной, так как наследственный договор (договор о наследовании) никогда не имел легального закрепления в отечественном наследственном праве, но в творческом наследии Д. И. Мейера можно найти строки, относящиеся и к предполагаемой конструкции: «Если завещатель, назначая известное лицо своим наследником, тем удовлетворяет влечение своего сердца, то и законодательство, определяя право наследования и выражая понятия человеческого общества, не должно быть чуждо к движениям сердца, как не чуждо оно ко всему человеческому»²³.

Еще более важный смысл в условиях беспрецедентно обновляющегося гражданского законодательства имеют те положения великого ученого, которые относятся к сущности цивилистики: «В государстве права граждан определяются законами; законы же, исходя от общественной власти, подлежат многочислен-

¹⁹ См.: Мейер Д. И. Указ. соч. С. 104.

²⁰ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.11.2001 № 146-ФЗ в ред. от 03.08.2018 с изменениями, вступившими в силу с 01.09.2018 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Мейер Д. И. Указ. соч. С. 105.

²² URL: <http://garant.ru/hotlaw/federal/627302/>.

²³ Мейер Д. И. Указ. соч. С. 781—782.

ным изменениям, уничтожению, в один момент времени представляются такими, в другой — другими. Словом, бренность и шаткость характеризуют положительные законы. Может показаться, что так же непрочно и шатка и наука о правах, что вместе с изменением законов должно измениться и ее содержание, что вызывает сомнения в достоинстве науки, содержание которой зависит лишь от случая, но не

от внутреннего основания... Однако в сущности наука гражданского права точно так же чужда произвола, как и любая другая наука»²⁴.

Именно такую великую науку, «чуждую произвола», содержащую веками отшлифованные и тысячекратно апробированные понятия и институты, дефиниции и представления, основал и завещал последующим поколениям российских цивилистов Д. И. Мейер.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гольмстен А. Предисловие к шестому изданию // Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. / по исправленному и дополненному восьмому изданию. 1902. — Изд. 3-е, исправ. — М. : Статут, 2003. — С. 14—15.
2. Институции Гая // Памятники римского права : Законы XII таблиц. Институции Гая, Дигесты Юстиниана. — М. : Зерцало, 1997. — С. 15—152.
3. Михайлова И. А. Возникновение и прекращение правоспособности физических лиц : новые аспекты // Российский судья. — 2004. — № 10.
4. Михайлова И. А. Право на жизнь // Цивилист. — 2007. — № 2.
5. Понкин И. В., Понкина А.. Достоинство и права ребенка на пренатальной стадии развития : конституционно-правовой, медико-правовой и биоэтический анализ / Институт государственно-конфессиональных отношений и права. — М. : Буки Веди, 2017.
6. Предложение о внесении поправок в ГК Российской Федерации в части, касающейся возникновения и прекращения правоспособности физических лиц : интервью с депутатом Государственной Думы, заместителем председателя Комитета по общественным объединениям и религиозным организациям А. В. Чуевым // Нотариус. — 2004. — № 2. — С. 45—48.
7. Пчелинцева Л. М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2009. — 864 с.
8. Темнов Е. И. Звучащая юриспруденция : предисловие // Латинские юридические изречения / сост. Е. И. Темнов. — М. : Юрист, 1966. — 400 с.

Материал поступил в редакцию 2 апреля 2019 г.

THE BEGINNING AND END OF THE PHYSICAL PERSONALITY IN DMITRIY I. MEYER WORKS

MIKHAILOVA Irina Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law of the Russian State Academy of Intellectual Property

irina_mikhaylova@list.ru

117279, Russia, Moscow, ul. Miklukho-Maklaya, d. 55a

Abstract. *The article is devoted to the 200th anniversary of Dmitriy I. Meyer — the founder of the domestic science of civilistics and the author of the first textbook on civil law. The article deals with the peculiarities of Dmitriy I. Meyer personality and life path, in particular with his passion for Roman private law, which is reflected in his scientific and teaching activities. The paper justifies that it was he who fulfilled the historical mission of “transferring” the provisions developed by Roman jurists to the nascent domestic civilization. Also, the paper analyzes the methodical techniques used by Dmitriy Meyer in his teaching practice, the theoretical provisions relating to the determination of the moment of the emergence of civil legal capacity of individuals in connection with which the author rejects the appropriateness of associating this moment with the moment of conception, considers the legal status of newborns in accordance with the degree of their vitality and issues related to the*

²⁴ Мейер Д. И. Указ. соч. С. 44.

enforcement of the right to life of preterm children in modern conditions in the context of their ability to survive in different States, characterizes the problems arising in the case of simultaneous death of two or more persons legally connected with each other and describes approaches to their resolution, analyzes Dmitry Meyer's views concerning the so-called civil (political) death, elucidates Dmitry Meyer's conclusions and proposals reflected in the current legislation of the Russian Federation including the child birth and death registration during the first week of life, as well as the alleged novels of inheritance law.

Keywords: *civil law, Roman law, scientific activity, methods, civil legal capacity, human birth, human death, civil (political) death, simultaneous death of several persons, vitality of the newborn, premature babies.*

REFERENCES

1. Golmsten A. Predislovie k shestomu izdaniyu [Preface to the sixth edition]. Meyer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch. [Russian Civil Law: in 2 parts]. On corrected and supplemented 8th edition. 1902. 3rd ed., corrected. Moscow, Statut Publ., 2003. P. 14—15. (In Russ.)
2. Institutsii Gaya [Institutions of Gaius]. Pamyatniki rimskogo prava: Zakony 12 tablits [Monuments of Roman Law: Laws of 12 Tables. Institutes of Gaius, Digest of Justinian]. Moscow, Zertsalo Publ., 1997, P. 15—152. (In Russ.)
3. Mikhailova I. A. Vozniknovenie i prekrashchenie pravosposobnosti fizicheskikh lits : novye aspekty [The emergence and termination of legal capacity of natural persons: new aspects]. *Rossiyskiy sudya [Russian Judge]*. 2004. No. 10. (In Russ.)
4. Mikhailova I. A. Pravo na zhizn [The right to life]. *Tsivilist [Civil lawyer]*. 2007. No. 2. (In Russ.)
5. Ponkin I. V., Ponkina A. Dostoinstvo i prava rebenka na prenatalnoy stadii razvitiya : konstitutsionno-pravovoy, mediko-pravovoy i bioeticheskiy analiz [Dignity and rights of the child at the prenatal stage of development: constitutional law and medical law and bioethical analysis]. Institut gosudarstvenno-konfessionalnykh otnosheniy i prava [The Institute of State-Confessional Relations and Law]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2017. (In Russ.)
6. Predlozhenie o vnesenii popravok v GK Rossiyskoy Federatsii v chasti, kasayushcheysya vozniknoveniya i prekrashcheniya pravosposobnosti fizicheskikh lits : intervyyu s deputatom Gosudarstvennoy Dumy, zamestitelem predsedatelya Komiteta po obshchestvennym obedineniyam i religiozным organizatsiyam A. V. Chuevym [Proposal to amend the Civil Code of the Russian Federation in the part concerning the emergence and termination of legal capacity of natural persons: An interview with A. C. Chuev — Deputy of the State Duma, Deputy Chairman of the Committee on Public Associations and Religious Organizations]. *Notarius [The notary]*. 2004. No. 2. P. 45—48. (In Russ.)
7. Pchelintseva L. M. Kommentariy k Semeynomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Commentary to the Family Code of the Russian Federation]. 5th ed., revised and suppl. Moscow, Norma Publ., 2009. 864 p. (In Russ.)
8. Temnov E. I. Zvuchashchaya yurisprudentsiya : predislovie [Sounding jurisprudence: A preface]. *Latinskie yuridicheskie izrecheniya [Latin Legal Sayings]*. Moscow, Yurist Publ., 1966. 400 p. (In Russ.)